

КАНАДА И РЕЖИМ ЯДЕРНОГО НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

© 2016 г. **Д.А. Володин***

Статья поступила в редакцию 12.10.2015.

Статья посвящена политике Канады по вопросам ядерного разоружения и нераспространения. Вместо рассмотрения ядерных проблем в качестве самостоятельных внешнеполитических вопросов, как это было в 1990-е годы, Канада начала рассматривать их как побочные.

Ключевые слова: ДНЯО, Конференция по рассмотрению ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗПРМ, КАНДУ.

Вопросы, касающиеся ядерного оружия, вошли в сферу внимания Канады в 1940-е годы. Уже во время Второй мировой войны Канада и Великобритания были привлечены американцами к «Манхэттенскому проекту» по созданию атомного оружия. Кроме того, в 1949 г. Канада вместе с США и западноевропейскими союзниками создала Организацию Североатлантического договора (НАТО) – военно-политический блок, целью которого было объявлено сдерживание советской угрозы. С другой стороны, начавшееся после Второй мировой войны противостояние между США и СССР, двумя сверхдержавами, делающими ставку на ракетно-ядерное оружие, вынуждало Канаду, уделять повышенное внимание усилиям по нераспространению и разоружению в своей внешней и оборонной политике.

В поисках новой повестки

Первая серьёзная попытка Канады воспользоваться окончанием «холодной войны» для решения вопросов, связанных с ядерным оружием, произошла в феврале 1991 г. В разгар военной операции США и их союзников против Ирака канадское правительство представило комплексную программу разоружения. Главным элементом этого плана было проведение специального саммита мировых лидеров, посвящённого оружию массового уничтожения (ОМУ), средствам его доставки и обычным вооружениям. Применительно к ядерному оружию канадские предложения включали бессрочное продление Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и подтверждение приверженности ядерных государств дальнейшим сокращениям ядерных вооружений [19].

* ВОЛОДИН Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИСКРАН. Институт США и Канады РАН, Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3 (dmvldn@gmail.com).

В течение всего 1991 г. канадское руководство активно продвигало свою инициативу на двусторонних и многосторонних встречах со своими союзниками. Однако успехи оказались достаточно скромными. Идея с проведением саммита была отклонена США и ведущими западноевропейскими странами.

Канада была вынуждена действовать по фактической повестке. В июле 1991 г. она поддержала советско-американский Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1) и активно включилась в процесс подготовки Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО). После подписания этой конвенции заявления канадского руководства по вопросам нераспространения сконцентрировались на ядерном оружии. Выступая в марте 1992 г. в Лос-анджелесском совете по международным отношениям, министр иностранных дел Барбара Макдугалл отметила, что распространение ядерного оружия «начинает рассматриваться как главная угроза безопасности Канады» и выделила пять шагов для решения этой проблемы.

Во-первых, присоединение к ДНЯО всех стран и его бессрочное продление на обзорной конференции 1995 года.

Во-вторых, ужесточение режима инспекций МАГАТЭ за счёт введения «инспекций по запросу» для проверки подозрительных и незадекларированных объектов «в любом месте и в любое время».

В-третьих, введение более строгого контроля за экспортом ядерных материалов и технологий странами-поставщиками. Условием таких поставок должны были стать согласие стран-импортёров на полномасштабные гарантии МАГАТЭ и их присоединение к ДНЯО. Канада также предлагала усилить Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) за счёт включения в его состав других крупных поставщиков вроде Китая и России.

В-четвёртых, ослабление региональных конфликтов.

В-пятых, усиление доверия между развитыми и развивающимися странами за счёт сокращения арсеналов ядерного оружия и подтверждения права неядерных государств на мирное использование атома [34].

В мае 1992 г. канадская концепция борьбы с ядерным оружием была дополнена и доработана премьер-министром Брайаном Малруни. Выступая в университете Джона Хопкинса, он высказался за запрет продажи ядерных научных разработок государствам-изгоям и введение всеобщего моратория на испытания ядерного оружия. Особенностью его выступления было не только большее количество «шагов», но и прямая увязка ядерного нераспространения с внешнеэкономической политикой Канады. Как отмечал Малруни, «Канада была бы готова прекратить все свои программы экономического сотрудничества, включая оказание помощи и применение льготных пошлин с любой страной, включая республики бывшего Советского Союза, которые подрывают Договор о нераспространении ядерного оружия».

В рамках новой ядерной повестки внимание Канады сосредоточилось на подготовке к конференции по рассмотрению ДНЯО в 1995 г. В мае 1993 г. Канада обозначила, что её главной целью является придание ДНЯО универсального и бессрочного характера. Сама подготовка к конференции, растянувшаяся на три года (1993–1995 гг.), создала как бы отдельную, более узкую повестку Канады по нераспространению. В этой «повестке внутри повестки» бессрочное продление ДНЯО было увязано Оттавой с всеобщим запретом на ядерные испытания. Первоначально эта связь была обозначена несколько противоречиво. С одной стороны, говорилось, что «прогресс в заключении Договора о всеобъ-

емлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) улучшит климат для процесса продления ДНЯО». С другой – указывалось, что, «ДНЯО и предстоящий ДВЗЯИ являются отдельными вопросами». Тем не менее, канадские официальные лица достаточно чётко проводили взаимосвязь между заключением ДВЗЯИ и продлением ДНЯО. Выступая в ноябре 1992 г. в Канадском институте стратегических исследований, Б. Макдугалл отметила, что «путь к этой цели (бессрочному продлению ДНЯО. – *Д.В.*) был бы легче, если бы ядерные государства заключили ДВЗЯИ» [41].

Канада постоянно критиковала Францию и Китай, которые, в отличие от США, России и Великобритании, не только не ввели мораторий на ядерные испытания, но и постарались провести побольше испытаний до подписания договора в сентябре 1996 г. Правда, в этой критике Оттава была достаточно осторожна. Выступая в октябре 1995 г. на Канадо-китайском деловом совете в Монреале, министр иностранных дел Андре Уэллет отметил, что, «хотя Китай, к сожалению, продолжает ядерные испытания, Канада приветствует обещание Китая провести переговоры о Договоре о всеобщем запрещении ядерного оружия» [39].

Ещё более показательный случай произошёл в отношении Франции. В июне 1995 г. её тогдашний президент Жак Ширак заявил, что до подписания ДВЗЯИ его страна проведёт восемь ядерных испытаний. Публично канадское руководство осудило это решение. Соответствующее заявление сделали и министр иностранных дел, и премьер-министр. Канада даже согласилась в октябре 1995 г. стать одним из инициаторов резолюции в первом комитете ООН* с критикой государств, которые продолжают ядерные испытания. Документ требовал от них немедленного прекращения таких испытаний. Однако после того как Франция развернула активную дипломатическую кампанию против критиков её решения, Канада решила отказаться от участия в подготовке этой резолюции. Газета «Торонто стар», ссылаясь на свои дипломатические источники, указывала, что изменение канадской позиции произошло после прямого вмешательства руководства страны [24].

Канада также поддержала международные усилия по разработке более жёсткой системы гарантий МАГАТЭ. В самой реформе системы гарантий Оттава выделяла два аспекта: эффективность и экономичность. Под усилением эффективности понимались всё те же идеи Макдугалл и Малруни о праве МАГАТЭ проводить инспекции любых задекларированных и незадекларированных объектов. Экономичность предлагалось достичь через использование инспекторов на постоянной основе. Важная роль также отводилась усилению автоматизации в сборе и передачи данных. Наконец, ещё одним средством, по мнению Канады, могло бы стать сокращение количества инспекций задекларированных материалов в неядерных государствах.

В 1993 г. ядерная повестка Канады расширилась за счёт вопроса о запрещении производства расщепляющихся материалов (ЗПРМ) [4]. В ноябре 1993 г. по инициативе Канады Первый комитет ООН принял резолюцию с призывом к проведению переговоров по выработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ).

В январе 1994 г. Конференция по разоружению назначила канадского посла Дж. Шеннона специальным координатором по подготовке ДЗПРМ. Канада, таким образом, стала прямо ассоциироваться с этим договором, что быстро осоз-

* Занимается разоружением и вопросами международной безопасности.

нала официальная Оттава и, как следствие, резко усилила своё внимание к этому вопросу. В феврале 1995 г., комментируя доклад специального парламентского комитета по пересмотру внешней политики, правительство подчёркивало, что Канада «возглавляет международные усилия по началу переговоров о запрете производства расщепляющихся материалов для военных целей» [20, р. 19]. В марте 1995 г. Конференция по разоружению одобрила так называемый доклад Шеннона, предусматривавший создание специального комитета для выработки ДЗПРМ, и назначила Канаду первым председателем предстоящих по нему переговоров.

Главным событием для Канады, однако, стало её участие в конференции по рассмотрению ДНЯО 1995 г. На конференции у Канады оказались две повестки: формальная и практическая. На официальном уровне Канада подтвердила все те цели в отношении договора, которые она обозначала с начала 1990-х годов: бессрочное и безусловное продление ДНЯО, придание процессу рассмотрения договора более постоянного характера и введение новой системы всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ (93 + 2).

На практике главная цель Канады заключалась в убеждении противников и особенно колеблющиеся страны поддержать бессрочное продление ДНЯО. Собственно этой работой Канада начала заниматься уже на заседаниях подготовительного комитета, однако наибольшие усилия развернула на самой конференции. В течение всей конференции Канада активно использовала свой статус страны, сознательно отказавшейся от создания ядерного оружия, чтобы перетянуть на сторону Запада голоса развивающихся стран. Особенно важное значение имело создание Канадой на конференции так называемой «группы космополитов» из 16 государств от всех регионов, включая и тех, кто не поддерживал бессрочное продление. Смысл работы канадской делегации раскрыл её руководитель Кристофер Уэстдалл. По его словам, «канадская стратегия заключалась в том, чтобы терпеливо и систематически ослаблять и изолировать основных критиков из Движения неприсоединения... Это делалось не через давление, а через уважительный диалог и через рассмотрение с колеблющимися нашего случая неядерного государства, выступающего за бессрочное продление ДНЯО» [28]. Такая методика оказалась достаточно эффективной. Как отмечала «Торонто стар», «несколько самых влиятельных противников бессрочного продления ДНЯО изменили свою позицию после массированного закулисного лоббирования канадской стороны» [25].

Борьба Эксуорси за ядерное разоружение

Уже в феврале 1996 г., через месяц после своего назначения, новый канадский министр иностранных дел Ллойд Эксуорси обозначил ядерное разоружение одним из главных приоритетов своей работы и высказался за проведение общенациональных дебатов о законности такого рода оружия.

Однако сразу заняться этим вопросом он не смог. Прежде всего, в 1996–1997 гг. внимание канадского МИД и лично Л. Эксуорси оказалось почти целиком поглощено международной кампанией за запрещение противопехотных мин, которую возглавила Канада. С другой стороны, как он признаёт в своих мемуарах, первоначально «в правительстве не было единства по этому вопросу» [7, р. 361]. Поэтому Эксуорси избрал более длинный, но более надёжный

путь. В октябре 1996 г. он направил письмо тогдашнему председателю Комитета по международным делам и внешней торговле Палаты общин Б. Грэму, поручив его комитету пересмотр ядерной политики Канады. Как пояснял Эксуорси, смысл всей этой комбинации был рассчитан на то, что правительство в обязательном порядке должно давать в трехмесячный срок официальный ответ на доклады парламентских комитетов. Именно эту возможность и хотел использовать Эксуорси для обнародования новой канадской ядерной доктрины.

Работа парламентского комитета позволяла министру, с одной стороны, на время дистанцироваться от проблем ядерного разоружения, но, с другой – давала возможность поднять этот вопрос, когда наступит благоприятный момент. И такой момент настал в 1998 г.: проведение Индией и Пакистаном в мае 1998 г. серии ядерных испытаний выдвинуло ядерную угрозу на первое место по важности для мирового сообщества.

Новый, более бескомпромиссный подход Оттавы к ядерному разоружению обозначился ещё до публикации парламентского комитета. В ноябре 1998 г. при голосовании в Первом комитете ООН Канада не поддержала США и других ядерных членов НАТО по резолюции, предложенной странами из Коалиции за новую повестку дня (КНПД)*. Резолюция призывала ядерные страны «продемонстрировать безусловную приверженность уничтожению ядерного оружия посредством переговоров и практических действий». По итогам голосования 13 ноября 1998 г. 97 стран поддержали резолюцию, 19 высказались против и 32 страны воздержались при голосовании. Среди этих воздержавшихся была и Канада, а США, выступавшие против резолюции, оказались в меньшинстве.

Уже сам факт отказа Канады, находящейся под американским ядерным зонтиком, от поддержки своего главного союзника в таком вопросе рассматривался некоторыми наблюдателями как «серьёзное изменение канадской внешней политики». Более того, канадская пресса выяснила, что Эксуорси допускал даже одобрение этой резолюции, если ему удалось бы заручиться поддержкой ещё одного члена НАТО. В конечном счёте канадский министр иностранных дел был вынужден отказаться от этой идеи. Тем не менее, Эксуорси и его немецкий коллега Йюшка Фишер сыграли решающую роль в том, что большинство членов НАТО (12 из 19) воздержались при голосовании. Помимо двух других ядерных членов альянса позицию США поддержали лишь три восточноевропейских «новичка» – Польша, Венгрия и Чехия. Таким образом, подход Вашингтона к ядерному оружию оказался в меньшинстве не только на уровне ООН, но и в рамках НАТО. Учитывая объявленную в 1997 г. подготовку новой стратегической концепции НАТО, это вплотную подводило к необходимости пересмотра ядерной доктрины альянса. Этому и добивался Эксуорси.

Выступая 8 декабря 1998 г. на Совете НАТО, он прямо заявил, что изменение военного баланса в Европе с распадом СССР и Организации Варшавского договора требует пересмотра ядерной стратегии альянса. В частности, он предложил отказаться от подчёркивания политической ценности ядерных сил НАТО, считая, что это лишь повышает значимость такого оружия для пороговых ядерных государств. Эксуорси предупредил также об опасности развала

* В КНПД вошли: Бразилия, Египет, Ирландия, Мексика, Новая Зеландия, Швеция, ЮАР.

ДНЯО, если государства с ядерным оружием не предпримут больших усилий по разоружению.

Несколько дней спустя был опубликован долгожданный доклад парламентского комитета. Большинство его рекомендаций носило достаточно дежурный характер. Собственно и сами авторы рассматривали его как промежуточный вариант, от которого будет отталкиваться правительство. В одной из его рекомендаций правительству прямо предлагалось «выступить с заявлением, которое объясняет связи между политикой Канады в области ядерного нераспространения, контроля за вооружениями и разоружением и всеми другими аспектами её международных отношений» [2]. Целая глава (четвёртая) была посвящена ядерной политике НАТО. Хотя в тексте были подняты наиболее противоречивые аспекты ядерной доктрины альянса – право первого удара; использование ядерного оружия в ответ на неядерное нападение; американское тактическое ядерное оружие в Европе, – рекомендация комитета носила самый общий характер. Правительство должно было лишь настаивать в рамках НАТО, чтобы «нынешний пересмотр стратегической концепции альянса включал и его ядерный компонент» [9]. Фактически правительство получало полную свободу рук, чего собственно и добивался Эксуорси. Как отмечает он в своих мемуарах, «вооружённые этим докладом и готовностью к сотрудничеству министра обороны, мы смогли добиться принципиального согласия кабинета министров на пересмотр ядерной политики» [7, р. 363].

Эксуорси удалось подключить к своим усилиям и премьер-министра. В январе 1999 г. во время визита в Германию Жан Кретьен предложил, чтобы НАТО отказалась от своей многолетней установки о нанесении первой ядерного удара. В данном случае Канада выступила совместно с Германией, чьё новое правительство во главе с Г. Шрёдером уже обращалось к альянсу с таким призывом.

Тем не менее, к весне 1999 г. обе страны несколько смягчили свою позицию, чтобы избежать прямого столкновения с Соединёнными Штатами. На совместной пресс-конференции в Оттаве 1 марта 1999 г. Эксуорси и Фишер заявили, что не будут использовать саммит НАТО в апреле 1999 г. в Вашингтоне для пересмотра ядерной политики альянса. В ответ они хотели получить от США обещание провести пересмотр после проведения саммита.

В апреле 1999 г. канадское правительство опубликовало два документа: собственно ответ на доклад парламентского комитета и заявление по ядерному разоружению и нераспространению. В заявлении прямо говорилось, что «Канада рассматривает саммит как важную возможность для альянса пересмотреть свою ядерную политику» [21, р. 13]. Правительство при этом ссылалось на кардинальное изменение военно-политической обстановки после 1991 г., когда сама возможность использования альянсом ядерного оружия стала «крайне маловероятной и ещё более немыслимой» [21, р. 13].

Начавшаяся военная операция альянса против Югославии, однако, оттеснила вопрос о роли ядерного оружия на задний план. На саммите НАТО в апреле 1999 г. он вообще не поднимался. Эксуорси, тем не менее, попытался вернуть эту тему в повестку работы альянса. На заседании Совета НАТО в декабре 1999 г. он добился создания комитета для пересмотра ядерной стратегии альянса. Эксуорси также задействовал и конференцию по рассмотрению ДНЯО. Принятый 20 мая 2000 г. всеми её участниками, включая пять ядерных государств, итоговый документ среди прочего включал «обязательство госу-

дарств, обладающих ядерным оружием, осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов, ведущую к ядерному разоружению» [5, т. 2, с. 74]. Уже на следующий день Эксуорси заявил, что НАТО придётся пересмотреть использование ядерного оружия. По его словам, соглашение, достигнутое под эгидой ДНЯО, должно было облегчить убеждение ядерных членов НАТО сократить их ядерные арсеналы [30]. Однако и эта попытка Эксуорси окончилась безрезультатно. По его признанию, приход к власти в США Дж. Буша-мл. и события 11 сентября 2001 г. окончательно похоронили идею пересмотра ядерной стратегии НАТО [7, р. 365].

Само участие Канады на обзорной конференции ДНЯО 2000 г. приобрело несколько антиамериканский характер. Сначала Эксуорси предупредил о «неких странах, оправдывающих свои ядерные арсеналы необходимостью защиты от другого ОМУ» [27]. Затем он прямо обвинил США за отказ американского Сената от ратификации ДВЗЯИ и за планы по развёртыванию противоракетной обороны. Более того, в качестве альтернативы американской ПРО Эксуорси выдвинул идею создания глобальной системы раннего предупреждения о ракетном нападении [29].

Поддержка Договора о противоракетной обороне вошла в программу действий Канады на следующие пять лет. Другими её целями были объявлены: скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ; начало работы Конференции по разоружению над ДЗПРМ; продолжение сокращения ядерного оружия в рамках СНВ-1 и СНВ-2; расширение существующих и создание новых зон свободных от ядерного оружия; усиление возможностей верификации. Большинство из этих целей нашли отражение в итоговом документе конференции в рамках так называемых «13 практических шагов».

Другим важным вопросом для Канады во второй половине 1990-х годов стало её возможное участие в утилизации российского и американского оружейного плутония. Сама эта проблема являлась своего рода побочным эффектом успехов США и России в ядерном разоружении, выразившихся в подписании СНВ-1 и СНВ-2. Предусмотренная этими соглашениями ликвидация тысяч боеголовок должна была высвободить в течение нескольких десятилетий десятки тонн оружейного плутония и сотни тонн высокообогащённого урана – главных компонентов для создания ядерного оружия. Фактически под угрозой оказывался весь режим ядерного нераспространения. Наибольшую озабоченность в отношении этой проблемы проявили США. В докладе Национальной академии наук (январь 1994 г.) было предложено использовать оружейный плутоний в качестве топлива в атомных реакторах. Именно американские специалисты и подняли первыми возможность использования для этой цели, наряду с легководными российскими и американскими атомными реакторами, тяжеловодных канадских реакторов типа КАНДУ. Как они отмечали, «канадские тяжеловодные реакторы КАНДУ – технически привлекательный вариант для этой задачи, поскольку конструкция реактора позволяет им изначально полностью работать на МОКС-топливе* с меньшим изменением реактора, чем в случае реакторов на лёгкой воде» [31, р. 14].

В течение следующих двух лет в Канаде активно обсуждались технические аспекты этой идеи. Наибольшую заинтересованность высказала коронная корпорация «Атомик энерджи оф Кэнэда», отвечавшая за эксплуатацию канад-

* Смешанное ядерное топливо из оксидов урана и плутония.

ских атомных реакторов. Согласно её подсчётам, на канадской АЭС «Брюс» можно было утилизировать 50 т оружейного плутония в течение 25 лет [23].

На саммите по ядерной безопасности в Москве в апреле 1996 г. Ж. Кретьен вывел этот вопрос на политический уровень, дав принципиальное согласие на использование российского и американского оружейного плутония в реакторах КАНДУ.

Поначалу у этой идеи были неплохие перспективы. В октябре 1996 г. «Атомик энерджи оф Кэнэда» подписала контракт с Министерством энергетики США на проведение исследований о возможном использовании плутония в реакторах КАНДУ. В декабре 1996 г. США объявили о планах уничтожения 52 т избыточного оружейного плутония стоимостью 2,3 млрд. долл. Появились и первые оценки, сколько на этом сможет заработать Канада – 500 млн. долларов [27].

Однако постепенно этот проект стал сталкиваться с растущими трудностями. В августе 1997 г. компания «Онтарио гидро», управлявшая атомными станциями в одноименной провинции, объявила о возможной остановке семи из 20 атомных реакторов, действовавших там. Среди этих семи реакторов было три на АЭС «Брюс», где предполагалось изначально утилизировать оружейный плутоний [26].

Серьёзным ударом по проекту стал доклад парламентского комитета, в котором идея использования оружейного плутония, как топлива для канадских АЭС была названа «абсолютно невыполнимой» [9]. Именно тогда, в декабре 1998 г., канадские правительственные чиновники начали несколько дистанцироваться от этой идеи. В частности, представитель МИД Д. Браун отметила, что «проект никогда не был решённым делом и правительству потребуется разрешение от природоохранных и других регулирующих органов, прежде чем «Онтарио гидро» сможет приступить к сжиганию плутония в реакторах КАНДУ». В то же время неофициально чиновники признавались, что потенциальные финансовые выгоды оказались меньше, чем считалось ранее. Тем не менее, официальная позиция правительства не изменилась. В своём ответе оно подчеркнуло, что «не видит достаточных оснований, чтобы оправдать отказ от возможности использования МОКС-топлива в канадских реакторах в качестве средства уменьшения рисков распространения оружейного плутония» [21, р. 12].

Однако после того как в марте 1999 г. США заявили, что намерены самостоятельно утилизировать свой оружейный плутоний, Канаде пришлось скорректировать свою позицию. В сентябре 1999 г. Эксуорси говорил уже об использовании в реакторах КАНДУ только российского плутония. Фактически к этому времени весь проект стал очень труднореализуемым. К осени 1999 г. были остановлены четыре реактора КАНДУ на АЭС «Брюс», а четыре оставшихся Канадский совет по контролю за атомной энергией пригрозил закрыть, если собственник – «Онтарио пауэр дженерейшн» (преемник «Онтарио гидро». – Д.В.) – не устранил проблемы с безопасностью их эксплуатации. В ноябре 1999 г. США подтвердили, что самостоятельно утилизируют свои излишки плутония. Более того, представитель Министерства энергетики США Л. Холгейт заявила, что американская сторона не будет выделять значительных средств на утилизацию российского оружейного плутония [18]. Это фактически закрывало дорогу в Канаду и российскому плутонию, так как изначально предполагалось, что поставки российского плутония будут оплачивать США.

Дополнительной головной болью для правительства стала резко возросшая критика проекта в Канаде. Подготовка к отправке в Канаду пробных образцов российского и американского МОКС-топлива вызвала резкое недовольство у значительной части канадского населения, особенно в провинции Онтарио, через которую должны были осуществляться эти поставки. Хотя доставка в Канаду образцов российского и американского МОКС-топлива прошла благополучно, и оно было успешно переработано на исследовательском реакторе в Чок-Ривер в 2001 г., канадское участие в этом проекте завершилось. В конечном счёте Россия и США решили сосредоточить на своей территории весь технологический цикл утилизации оружейного плутония.

Выход из «ядерной игры»?

Поначалу казалось, что уход Эксуорси с поста министра иностранных дел не окажет серьёзного влияния на канадскую политику в вопросах нераспространения и разоружения. В июле 2001 г. его преемник Дж. Менли отрицательно отнесся к отказу Вашингтона подписать новый протокол к Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении. В ноябре 2001 г. он же высказался за скорейшее вступление в силу ДВЗЯИ.

Эстафету Менли подхватил и сменивший его Б. Грэм. В марте 2002 г. на Конференции по разоружению Грэм раскритиковал ядерные державы за медленное уничтожение своих ядерных арсеналов. Казалось, возрождается ядерная повестка Эксуорси: активная, самостоятельная позиция; акцент на разоружении, а не на распространении, с лёгким антиамериканским налётом.

Однако уже в 2003 г. преемственность политики Эксуорси резко прервалась. Своего рода переломным моментом стал кризис весной 2003 г. вокруг Ирака и его программы по созданию ОМУ. Отказ Канады от участия в американской военной операции против Ирака привёл к серьёзному охлаждению отношений между двумя странами и создал совершенно новую атмосферу для канадской ядерной политики. Любая самостоятельная политика Оттавы в этих вопросах могла ещё больше осложнить канадо-американские отношения.

Изменение канадского подхода к проблеме ядерного оружия обозначилось уже в конце 2003 г. Сменивший в ноябре 2003 г. Кретьена на посту премьер-министра Пол Мартин объявил главным приоритетом своей работы нормализацию отношений с США. В декабре 2003 г. Канада присоединилась к американской Инициативе по безопасности в борьбе с распространением оружия массового уничтожения (ИБОР)*. Первоначально Мартин давал понять, что поддержит и участие Канады в американской программе противоракетной обороны [1]. Вплоть до отказа Канады от ПРО в феврале 2005 г. её повестка в области нераспространения и разоружения свелась во многом лишь к одному этому вопросу.

Достаточно пассивным было и участие Канады в обзорной конференции ДНЯО в мае 2005 г. В отличие от прошлых подобных мероприятий, официальная Оттава не пыталась играть особую роль и не выступала с какими-то новы-

* Выдвинута американским президентом Дж. Бушем-мл. в мае 2003 г. Основной акцент ИБОР – предотвращение незаконного оборота ОМУ и связанных с ним материалов через проверки подозрительных транспортных средств, особенно морских судов.

ми смелыми идеями. Она считала вполне достаточной ту программу по разоружению («13 практических шагов»), которая была принята на предыдущей конференции, и которая, по словам канадского докладчика Дж. Райта, нуждалась лишь в «практическом выполнении». Показательно, что наиболее подробно Райт рассматривал не те или иные проблемы режима нераспространения, а организационные вопросы – придание процессу рассмотрения ДНЯО более постоянного и более серьёзного характера. В частности, он предлагал, помимо обзорных конференций, проводить ежегодные заседания участников Договора. К каждой такой встрече члены ДНЯО должны были готовить доклады о своих усилиях по выполнению Договора.

Тем не менее, обозначился довольно очевидный перенос акцента с разоружения на нераспространение. Райт отдельно остановился на ядерных программах Ирана и Северной Кореи. Ещё больше этот крен стал заметен у тогдашнего канадского министра иностранных дел Пьера Петтигрю. Подводя итоги конференции, он выделил четыре основных средства по укреплению режима нераспространения и разоружения. Из этих четырёх лишь одно – вступление в силу ДВЗЯИ – касалось разоружения. Остальные три, так или иначе, были посвящены нераспространению. Причём, если начало переговоров по ДЗПРМ и распространение на все страны всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ упоминалось канадскими представителями достаточно часто, то такая мера, как «международное сотрудничество в новых подходах к ядерному топливному циклу» [38], не привлекала раньше внимания Канады.

Показательный эпизод произошёл в октябре 2005 г., когда Канада под давлением США отказалась от вынесения на голосование в Первом комитете ООН резолюции по разоружению. Данная резолюция, разработанная шестью странами*, предусматривала создание в рамках ГА ООН рабочих групп для проведения переговоров по разоружению и нераспространению. По сути, это была реакция на неудачу обзорной конференции ДНЯО 2005 г., на которой её участники так и не смогли принять итоговый документ. Однако против создания новой площадки для рассмотрения ядерных вопросов категорически выступили Соединённые Штаты. В американской ноте, направленной инициаторам резолюции, отмечалось, что «международное сообщество должно по-прежнему сосредоточиться на продолжении работы Конференции по разоружению вместо создания другой искусственной Конференции по разоружению» [33]. Сразу после получения ноты Канада отказалась от поддержки резолюции и добилась снятия её с голосования.

Пассивность, большая ориентация на Вашингтон в ядерных вопросах стала ещё заметнее при консерваторах, пришедших к власти в Канаде в 2006 г. Прежде всего, новый премьер-министр Стивен Харпер не торопился обозначать свою позицию по разоруженческой проблематике. В этих условиях ядерную повестку для правительства попытались разработать эксперты и общественные деятели. Так, бывший канадский посол по разоружению Д. Роуч считал, что Канада должна помогать выстраивать диалог между ядерными и неядерными государствами и для этого усилить контакты с дружественными странами в НАТО и КНПД. Он также полагал, что Канада должна работать над выводом из Европы американского тактического ядерного оружия, а в более широком плане – устранить само противоречие между борьбой за уничтожение ядерного оружия в

* Мексика, Швеция, Бразилия, Кения, Новая Зеландия и Канада.

рамках ДНЯО и поддержкой ядерного оружия в рамках НАТО. Со схожими предложениями – более активная работа с дружественными странами и устранение противоречия между канадскими обязательствами перед ДНЯО и перед НАТО – выступал Э. Регер из канадской Пагуошской группы. Регер, правда, предлагал также ограничить распространение чувствительных гражданских технологий и изменить правила Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Усилить внимание к угрозе, исходящей от ядерного оружия, требовала и бывший премьер-министр К. Кэмпбелл. В ходе своих встреч в Оттаве в июне 2006 г. с премьер-министром С. Харпером и министром обороны Г. О’Коннором она призвала правительство «сделать ядерное разоружение одним из главных приоритетов, особенно при будущих контактах с США». В сентябре 2006 г. НПО «Инициатива средних держав», членами которой были Роуч и Кэмпбелл, провела в канадском МИД конференцию по поиску путей сокращения ядерных арсеналов. Однако наиболее радикальную программу предложил сенатор Р. Даллэр. Его предложения ограничивались исключительно разоруженческим аспектом и являлись прямым вызовом ядерным государствам: вступление в силу ДВЗЯИ; уменьшение риска использования ядерного оружия; отказ от разработки ядерного оружия; пересмотр ядерной доктрины НАТО; но главное – принятие конвенции о запрете ядерного оружия [16].

Правительство Харпера, однако, не собиралось сосредотачиваться на разоружении и создавать таким образом новый раздражитель в канадо-американских отношениях. Наоборот, официальная Оттава дала понять Вашингтону, что разделяет его подходы к проблеме ядерного оружия. На двусторонних консультациях в Оттаве в апреле 2007 г. старший специалист по вопросам нераспространения канадского МИД М. Блэкмор подчеркнул сходство позиций двух стран перед предстоящим заседанием подготовительного комитета конференции по рассмотрению ДНЯО. Блэкмор, в частности, пообещал «сильную поддержку Канады по вопросам, связанным с Ираном и КНДР» [10].

В ноябре 2007 г. Канада присоединилась к американской инициативе «Глобальное партнёрство по ядерной энергии» (*GNEP*)*, предусматривавшей расширение использования атомной энергетики за счёт применения более безопасных технологий с точки зрения нераспространения. Помимо разработки новых реакторов и многократного использования ядерного топлива инициатива предусматривала выделение привилегированной группы стран, которые должны были сосредоточить в своих руках поставки ядерного топлива. Будучи одним из крупнейших экспортёров урана, Канада сразу выразила интерес к этой инициативе. Согласно документам, попавшим к информационному агентству «Кэнэдиен пресс», канадские и американские представители уже в 2006 г. начали обсуждение «возможных параметров канадского участия» [22].

Первоначально казалось, что пассивная позиция правительства Харпера по ядерным вопросам связана со стремлением лишней раз не раздражать администрацию Буша особенно после отказа Канады от американской противоракетной обороны. Ввиду прихода к власти в США нового президента Барака Обамы и объявленная им идея создания мира без ядерного оружия часть экспертов ожидали изменение позиции Оттавы в отношении этой проблемы. Как объяснял канадский обозреватель Л. Мартин, «с ростом популярности ядерной

* В 2010 г. переименована в Международную систему сотрудничества в области атомной энергии (*IFNEC*).

инициативы президента будет усиливаться давление на премьер-министра, чтобы он смягчил свою жёсткую позицию и последовал примеру президента-миротворца» [32].

Собственно такое давление на Харпера началось сразу после программной пражской речи Обамы на эту тему в апреле 2009 г. Влиятельный канадский еженедельник по вопросам внешней политики «Эмбасси» призвал правительство «поддержать храбрые инициативы американского президента» [13]. О необходимости участия Канады в обеспечении международной поддержки инициативы Обамы говорили Д. Роуч и эксперт по вопросам нераспространения из Карлтонского университета Тревор Финдли [17]. Причём, Финдли подчёркивал, что канадское правительство играет не просто малозаметную роль в борьбе с ядерным оружием, но его действия в последние годы подрывают весь режим нераспространения. К таким противоречивым решениям он относил возобновление Оттавой ядерной торговли с Индией, несмотря на её ядерные испытания* и отказ подписать ДНЯО, и попытку Канады добиться исключения из норм ГЯП запрета на обогащение урана. В данном случае, по словам Финдли, Канада пыталась «урвать уступку для себя в ущерб ядерному разоружению» [17].

Давление на канадское правительство занять более активную позицию становилось всё сильнее. В сентябре 2009 г. под председательством американского президента было впервые проведено заседание СБ ООН, целиком посвящённое ядерному разоружению. Соединённые Штаты объявили также о проведении в апреле 2010 г. в Вашингтоне саммита по ядерной безопасности. С учётом проведения в том же году обзорной конференции ДНЯО и готовившегося подписания СНВ-3, международная повестка на 2010 г. приобретала отчётливо выраженный ядерный характер.

Для Канады особое значение имело то, что в 2010 г. она должна была принять саммит «Большой восьмёрки» – мероприятие, на котором в последние годы отводится значительное место вопросам ядерной безопасности. Уже в начале 2010 г. в прессе появились сообщения, что правительство сделает одним из центральных вопросов саммита борьбу с «грязными» ядерными бомбами [8]. В марте 2010 г. ядерная проблематика удостоилась отдельного упоминания в тронной речи.

На саммите по ядерной безопасности в апреле 2010 г. Харпер сделал акцент не на ядерном разоружении, а на нераспространении – приоритете США. Перед открытием саммита он заявил, что Канада вернёт в США запасы высокообогащённого урана, который поставлялся в Канаду с 1985 по 1995 г. и использовался на исследовательском реакторе в Чок-Ривер для производства медицинских изотопов. Это полностью укладывалось в заявленную Вашингтоном основную идею саммита – усиление безопасности объектов с оружейным ядерным топливом. В ответ Белый дом в специальном заявлении похвалил Харпера за «сильное лидерство Канады по ядерной безопасности и её тесное партнёрство с Соединёнными Штатами».

Харпер подставил США плечо и в ещё одном важном для них вопросе – в расширении программы «Глобальное партнёрство против распространения

* Для наработки плутония для этих испытаний использовался проданный Канадой реактор *CIRUS*.

оружия и материалов массового поражения»^{*} за пределы России и стран бывшего СССР. Опять же ссылаясь на угрозу ядерного терроризма, он предложил включить в программу другие уязвимые регионы, в частности африканские страны и Пакистан [14]. Тем самым Канада поддержала установку Обамы на глобальную борьбу с ядерным распространением и выступила против европейских членов «восьмёрки», желавших прекратить финансирование программы после её окончания в 2012 году.

Решение о продлении «Глобального партнёрства» было принято на саммите «восьмёрки» в 2011 г., а конкретные параметры канадского участия были объявлены Харпером на саммите по ядерной безопасности в Сеуле в марте 2012 г. Вообще тема ядерного терроризма была главной для официальной Оттавы на всех саммитах по ядерной безопасности, которые стали регулярными (2010, 2012, 2014) с приходом к власти Обамы. Так, на саммите по ядерной безопасности в Гааге в марте 2014 г. было объявлено о подписании Канадой Конвенции о физической защите ядерного материала (в редакции 2005 г.) и Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма.

Малозаметным оказалось участие Канады в обзорной конференции ДНЯО 2010 г. В отношении ядерного разоружения канадский министр иностранных дел Л. Кэннон предложил ограничиться «борьбой за выполнение уже принятых обязательств» [6], т.е. тех «13 практических шагов», которые были одобрены ещё в 2000 г. В то же время в канадской ядерной повестке ещё больше увеличилось доминирование вопросов нераспространения над разоружением. Как скрупулёзно подсчитал Э. Регер, из 10 параграфов, составивших официальный текст выступления Кэннона, три параграфа были посвящены первому основанию ДНЯО (нераспространению), один параграф – третьему основанию (мирное использование ядерной энергии) и ни одного второму основанию (разоружению). При этом три параграфа были посвящены ядерным программам Ирана и Северной Кореи.

Ещё более показательной была в этом плане конференция по рассмотрению ДНЯО 2015 г. Выступление канадского представителя Л. Йелих было почти целиком посвящено региональным вопросам ядерного нераспространения и особенно Ирану. Однако участие Канады запомнилось, прежде всего, тем, что она вместе с США и Великобританией заблокировала принятие итогового документа. Возражение у трёх стран вызвал пункт о создании на Ближнем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, что было расценено ими как прямая угроза безопасности Израиля. В частности, в заявлении канадского МИД говорилось о необходимости «учитывать озабоченности всех государств региона, включая Израиль» [12].

Единственный вопрос из ядерной повестки 1990-х годов, к которому Оттава сохраняла интерес в 2000-е годы, был Договор о запрете производства расщепляющихся материалов. Канада отчаянно пыталась добиться возобновления работы комитета по ДЗПРМ. Созданный в 1998 г. и успевший проработать три недели под председательством канадца М. Моэра, он так и не смог больше возобновить работу из-за неспособности Конференции включить этот вопрос в свою повестку и из-за общего паралича данной организации.

^{*} Предусматривала выделение России на эти цели «Большой восьмёркой» 20 млрд. амер. долл. в течение 10 лет (2002–2012 гг.) [2].

Позиция Канады в отношении ДЗПРМ была выработана ещё в 1990-е годы и основывалась на докладе Шеннона – регулирование лишь производства расщепляющихся материалов с возможностью обсуждения вопроса уже накопленных запасов. На Конференции по разоружению в марте 1999 г. канадский посол М. Моэр подтвердил, что Канада не будет добиваться, чтобы Договор регулировал существующие запасы, но при этом страны с такими запасами должны были одновременно с переговорами их «необратимо уменьшить» [15].

Наибольшее сопротивление канадская трактовка Договора, как и сама идея начать по нему переговоры, вызвала у Пакистана – одного из непризнанных ядерных государств. Посол Пакистана по вопросам разоружения Мунир Акрам заявил, что канадская позиция узаконит неравенство между пятью ядерными государствами, имеющими право на запасы, и всеми остальными [15].

Вообще борьба Оттавы за ДЗПРМ в 2000-е годы свелась во многом к противостоянию с Пакистаном. Именно Пакистан постоянно блокировал на Конференции по разоружению начало переговоров по Договору о запрете производства расщепляющихся материалов.

Наконец, убедившись в невозможности разблокировать этот вопрос в рамках Конференции по разоружению, Канада вынесла его на ГА ООН. В ноябре 2012 г. Первый комитет ООН принял подавляющим большинством (148 – «за», 1 (Пакистан) – «против») предложенную Канадой резолюцию о создании расширенной группы правительственных экспертов из 25 стран для обсуждения «возможных аспектов, которые, не считая переговоров, могли способствовать выработки ДЗПРМ» [36].

Получив такую поддержку в Первом комитете, Канада в декабре 2012 г. добилась одобрения и ГА ООН. Фактически резолюция ГА ООН устанавливала трёхлетний план работы по ДЗПРМ: 2013 г. – запрос и получение мнений о Договоре членов ООН; 2014–2015 гг. – работа правительственных экспертов и публикация их доклада.

В мае 2013 г. Канада направила генеральному секретарю ООН письмо с изложением её позиции по ДЗПРМ. По главному спорному вопросу – об уже накопленных запасах – Канада считала необходимым выработку компромисса в ходе переговоров. Такой компромисс, по мнению Оттавы, мог заключаться в принятии одновременно с ДЗПРМ дополнительных мер в отношении существующих запасов: увеличения транспарентности (предоставление детальных данных о запасах); декларирование избыточных расщепляющихся материалов и постановка их под учёт; уничтожение избыточных расщепляющихся материалов.

В мае 2015 г. был опубликован доклад группы правительственных экспертов. Как отмечала в предисловии её канадский председатель Э. Голберг, «цель подготовленного группой доклада состоит в том, чтобы помочь участникам переговоров по договору в информационном плане, в том числе обозначив для них те значительные области, в которых мнения экспертов сходятся» [3]. Такой консенсус был найден только по двум вопросам: запрет в договоре производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств и использование доклада Шеннона (CD/1299) как «наиболее подходящей основы для проведения будущих переговоров в Конференции по разоружению» [35].

Однако после передачи доклада экспертов в Конференцию по разоружению ситуация вновь стала тупиковой. Пакистан, как и раньше, заявил, что договор должен регулировать и существующие запасы расщепляющихся материа-

лов [37]. Учитывая единогласное принятие решений в Конференции по разоружению, это исключало возможность решения вопроса о ДЗПРМ в рамках этой организации. Такая ситуация, по мнению некоторых канадских экспертов, может подтолкнуть Канаду добиваться начала переговоров по ДЗПРМ не через Конференцию по разоружению, а через ГА ООН, которая принимает решения простым большинством.

В целом, отношение Канады к ядерному оружию претерпело довольно любопытную эволюцию в 1990–2000-е годы. Начав как один из наиболее активных борцов за сохранение и укрепление Договора о нераспространении ядерного оружия и созданного на его основе соответствующего международного режима, Канада в 2000-е годы утратила интерес к этому вопросу. В конечном счёте это равнодушие привело к тому, что она сама стала зачастую подрывать режим ядерного нераспространения. Блокирование Канадой вместе с США и Великобританией принятия итогового документа на обзорной конференции ДНЯО 2015 г. было не случайным, а в какой-то степени закономерным. Дело в том, что, в отличие от 1990-х годов, в 2000-е годы официальная Оттава рассматривала ядерную проблематику не как самостоятельный вопрос, а лишь как сопутствующий более важным вопросам – канадо-американским отношениям, канадо-индийским отношениям, стимулирования экспорта. Решения, принятые в рамках такой парадигмы, с одной стороны, могли ослаблять режим нераспространения (как в случае возобновления ядерной торговли Канады с Индией), а, с другой – придавали самой ядерной политике Канады несколько противоречивый и однобокий характер (игнорирование разоружения и акцент на нераспространении; сосредоточение на наиболее безвредных вопросах, как в случае с ДЗПРМ).

Список литературы

1. Володин Д.А. Дебаты в Канаде о противоракетной обороне // США ♦ Канада, 2005, № 9, с. 44–58 [Volodin D.A. Debates in Canada on Anti-Missile Defence // USA ♦ Canada, 2005, No. 9, p. 44–58].
2. Володин Д.А. Канада, Россия и программа «Глобальное партнёрство» // США ♦ Канада, 2009, № 9, с. 35–54 [Volodin D.A. Canada, Russia and the Program of Global Partnership // USA ♦ Canada, 2009, No. 7, p. 35–54].
3. Доклад группы правительственных экспертов о возможных аспектах ДЗПРМ. A/70/81. [Report of the Group of Government Experts on possible aspects of FMCT. A/70/81].
4. Израелян Е.В. Политика Канады по вопросам ограничения вооружений (1968–1984 гг.). Москва: ИСКАН, 1985, 105 с. [Israelian E.V. Canada's Policy on Arms Limitation (1968–1984). Moscow: ISKAN, 1985, 105 p.]
5. Ядерное нераспространение. В 2-х томах / Под ред. В.А. Орлова. Москва: ПИР-Центр, 2002. 528 с.; 560 с. [Nuclear Nonproliferation. In 2 Volumes / Ed. by V.A. Orlov. Moscow: PIR Center, 2002. 528 p.; 560 p.]
6. Address by Minister Cannon at the 2010 Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. New York. 3.05.2010 // Speeches, 2010/26.
7. Axworthy L. Navigating a New World: Canada's Global Future. Toronto: Vintage Canada, 2004. 450 p.

8. *Blanchfield M.* Canada May Use G8 Summit to Battle Spread of Dirty Bombs // The Globe and Mail, 4.01.2010.
9. Canada and Nuclear Challenge: Reducing the Political Value of Nuclear Weapons for the Twenty-First Century. Report of the Standing Committee on Foreign Affairs and International Trade. December 1998. Available at:
<http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?DocId=1031537&Language=E&Mode=1&Parl=36&Ses=1>.
10. Canada: More Convergence Than Divergence Expected at NPT PrepCom. 25.04.2007. Available at:
<http://wikileaks.org/cable/2007/04/07OTTAWA757.html>.
11. Canada Introduces UN Resolution Prohibiting the Production of Fissile Material for Nuclear Weapons // DFAIT News Release, No. 213, 17.11.1993.
12. Canada Joins U.S. and U.K. in Breaking Consensus at 2015 Nuclear Non-Proliferation Treaty Conference // DFAIT News Release, 23.05.2015.
13. Canada's Nuclear Debt to Obama (Editorial) // The Embassy, 8.04.2009.
14. Clark C. Harper to Push Canadian-Led Effort // The Globe and Mail, 13.04.2010.
15. Conference on Disarmament Hears Statements on Nuclear Disarmament, Fissile Material Treaty, From Iraq, Canada and Pakistan. 18.03.1999. Available at:
<http://www.un.org/press/en/1999/19990318.dcf363.html>.
16. *Dallaire R.* There Are Inherent Links Between the Environment and Nuclear Arms // The Embassy, 18.04.2007.
17. *Davis J.* Order of Canada Recipients Demand Worldwide Ban on Nuclear Weapons // The Embassy, 26.08.2009.
18. *Eggerton L.* Plutonium Shipments Heading This Way for Test // The Toronto Star, 16.11.1999.
19. Government of Canada Unveils Post-Hostilities Proposals // Government of Canada News Release, No. 31, 8.02.1991.
20. Government Response to the Recommendations of the Special Joint Parliamentary Committee Reviewing Canadian Foreign Policy. Ottawa. February 1995. 223 p.
21. Government Response to the Recommendations of the Standing Committee on Foreign Affairs and International Trade on Canada's Nuclear Disarmament and Non-Proliferation Policy. April 1999. 27 p.
22. *Guly Ch.* Global Nuclear Group a Risk for Canada: Critics // The Embassy, 12.09.2007
23. *Hall J.* Can Candus Solve Plutonium Problem? // The Toronto Star, 18.12.1994.
24. *Handelman S.* Canadian Diplomats Deny Nuclear Test Ban "Flip-Flop" // The Toronto Star, 10.11.1995.
25. *Handelman S.* Canadian Move Saves Global Nuclear Arms Treaty // The Toronto Star, 6.05.1995.
26. *Handelman S.* Hydro Shutdown Threatens U.S. Plan // The Toronto Star, 15.08.1997.
27. *Handelman S.* Making Peace with Plutonium // The Toronto Star, 29.06.1997.
28. House of Commons of Canada. Standing Committee on Foreign Affairs and International Trade // Evidence. 20.06.1995.
29. *Knox P.* Axworthy to Ask Nuclear Powers to Favour Early-Warning System // The Globe and Mail, 20.04.2000.

30. *Leblanc D.* Nuclear Pact May Spur NATO to Act: Axworthy // The Globe and Mail, 22.05.2000.
31. Management and Disposition of Excess Weapons Plutonium. National Academy of Sciences. 1994. 288 p.
32. *Martin L.* Holding Nuclear Madness: Where's Canada? // The Globe and Mail, 7.04.2009.
33. *McCarthy Sh.* Canada Drops UN Disarmament Resolution // The Globe and Mail, 13.10.2005.
34. *McDougall B.* Meeting the Challenge of the New World Order // International Journal, Summer 1992, p. 463-478.
35. *Meyer P.* A Nuclear Agreement In Need of Canadian Leadership. 13.07.2015. Available at: <http://opencanada.org/features/a-nuclear-agreement-in-need-of-canadian-leadership/>.
36. *Meyer P.* The Fissile Material Follies // The Embassy, 12.12.2012.
37. Members of the Conference on Disarmament Exchange Views on the Report of the Group of Government Experts on a Fissile Material Cut-Off Treaty. 23.06.2015. Available at: [http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/\(httpNewsByYear_en\)/953C3ED051B63F86C1257E6D003C9BC2?OpenDocument](http://www.unog.ch/80256EDD006B9C2E/(httpNewsByYear_en)/953C3ED051B63F86C1257E6D003C9BC2?OpenDocument).
38. Minister Pettigrew Calls for Renewed Efforts on Disarmament and Non-Proliferation Following NPT Review Conference // DFAIT News Release, No. 96, 27.05.2005.
39. Notes for an Address by the Honourable André Oullet, Minister of Foreign Affairs, to the Canada-China Business Council. Montreal (Quebec). 13.10.1995.
40. Notes for an Address by the Honourable André Oullet, Minister of Foreign Affairs, to the NPT Review and Extension Conference. New York. 18.04.1995 // Statement 95/27.
41. Notes for an Address by the Honourable Barbara McDougall, Secretary of State for External Affairs, to the Canadian Institute of Strategic Studies Seminar "Adapting for Survival: Global Security from Sarajevo to Maastricht to Rio". 5.11.1992 // Statement 92/56

Canada and Nuclear Non-Proliferation Regime after the Cold War

(USA ❖ *Canada Journal*, 2016, no. 2, p. 57-73)

Received 12.10.2015

VOLODIN Dmitry Anatolievich, Institute of the USA and Canada Studies Russian Academy of Sciences. 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069 Russian Federation (dmvldn@gmail.com).

*The article is devoted to Canada's policy on nuclear disarmament and non-proliferation issues. Instead of considering these issues as distinct foreign policy matter, as in 1990s, Canada began to consider them as secondary ones of more important issues of its foreign or foreign trade policy. **Keywords:** NPT; NPT Review Conference; CTBT; FMCT; CANDU.*

About the author:

VOLODIN Dmitry Anatolievich, Cand. Sci. (History), Senior Researcher.